

Юлия Новак

ТАНЦЫ НА ОГОЛЕННЫХ ПРОВОДАХ

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Юлия Новак

Танцы на оголенных проводах

<https://litres.ru/74697094>

Аннотация

Тася. Ее жизнь не похожа на жизнь обычного подростка. Постоянные переезды и вечная борьба за свое «место под солнцем». Только на этот раз, попав в закрытый городок, она наживает себе сразу двоих врагов в лице королевы школы и высокомерного парня с темной репутацией. Влад. Его жизнь рассеялась по крупицам, когда близкие и родные один за другим покинули этот мир. А дальнейшая судьба превратилась в одну сплошную черную полосу, где равновесием стали нелегальные гонки. Стритрейсинг – это не хобби, а всего лишь способ существования. Но вот в школу заявляется новенькая, которая то и дело мешает на его пути. Пора проучить дерзкую девчонку.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Переезд.	6
Глава 2. Новая школа.	18
Глава 3. Вытравить токсичную муху!	29
Глава 4. Мои друзья - Антенна и Плат.	40
Глава 5. «Берлога».	48
Глава 6. Неудачный день.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пролог

К холодным звездам тянулся дым жженой резины. Там за лесными тоннелями, ночную тишину срывали: рев мотора и свист покрышек. Скорость сблизила их – людей, собравшихся здесь, на заброшенной трассе, под ночным небом февраля. Они глазели на шоу. Ими двигал азарт и финансовый интерес.

– Давай, красавчик! Не подведи! – крикнула размалеванная девица, хлопнув ладошкой по капоту черной лады, прежде чем затесаться среди скандирующей толпы.

По венам растекался чистый адреналин, а нога сама потянулась к заветной педали газа и пульс в ушах автогонщика бомбил под стать льющей музыке из колонок.

– Мельник! Как обычно, многие здесь поставили на тебя, – коротыш в желтой шапке со смешным помпоном наклонился к водительскому окну и своим криком пытался заглушить пение Хеннинга Мая.

Парень с хищным взглядом, тот, кого только что окрестили Мельником, поморгал фарами, сообщая о своей готовности. Мгновение, за которое он успел почувствовать только легкую вспышку безумия, что накрывала его с головой. И девушка, подняв руки вверх дала отмашку.

Резкий старт. Свист. А после – полет. И...

Это взрыв.

Он сорвался с места, оставляя после себя лишь ветер, который подхватил широкие штаны Тимурки, а удивительный помпон пришелся тому прямо в левый глаз. Отчего роговица тут же заслезилась. Но коротыш не рассердился. Он из привыкших. Ведь главное, что этот наглый паренек – его золотая жила. Столько прыти и жажды скорости. А как он дрифтит. Тут и Дизель с экрана аплодирует стоя.

Когда два месяца назад Тимурка принял дерзкого паренька в свой клуб стритрейсеров, он сразу разглядел в нем прирожденного гонщика. И пускай парню пока еще нет восемнадцати, а, соответственно, и прав тоже, его это мало заботит. Он готов закрыть глаза на все, пока тот приносит ему какую-никакую, но копейку. А еще немаловажная тут составляющая – это, конечно же, эстетическое удовольствие. Сколько народу собирает такие шоу. Оно того стоит.

Самого Мельника тоже мало что заботило. Например, то, что тачка у соперника была в сто раз мощней, да и поддержка вон какая. На старте болельщики, словно вороны кружили вокруг того, а Мельник зарабатывал не только деньги, но и репутацию, поэтому бешеную скорость сопровождали мысли, в которых он знал, что выйдет победителем и уже на финише эти же самые болельщики будут шлифовать его малышку. И только его.

Глава 1. Переезд.

Тася

Прозрачная капля дождя одиноко стекала по стеклу. Она неукоснительно следовала своему маршруту, словно навигационная стрелка авто на карте города. Тучи налились графитовой дымкой и значило это только одно – совсем скоро дождь перерастет в настоящий ливень.

Наклонив голову и уткнувшись лбом в холодное стекло, я надеялась остудить мозг от пульсирующей мысли: «опять новая школа!». Я думала, что на этот раз мне удастся доучиться в своей. Хотя, что в моем случае можно подразумевать под словом «своей»? За последние два года это будет уже пятая школа по счету. И все спасибо моему папочке, которого, как теннисный воланчик шпыняют из одной войсковой части в другую. Не успев обжиться в теплых краях южной полосы России, приходит приказ и его отправляют в северную часть страны. В какой-то степени я даже понимаю маму, бросившую нас еще десять лет назад и сбежавшую за рубеж. Понимаю, но не оправдываю. Потому что эта женщина оставила свою семилетнюю дочь ради карьеры на большом экране. И в тот момент ни одна мышца на ее искусственном личике не дрогнула. «Бездушное животное» – так когда-то прозвал ее отец, я же никогда не стеснялась грубых слов и поэтому

название своей матери определила куда более изощренное и нецензурное.

Батя хоть и строгий, но я его не виню. В одиночку он растит дочь, а это наверняка тяжелый труд. Всякие девичьи капризы, а тут еще на работе головняков хватает. Особенно когда я стала взрослеть и начались сложности по типу полового созревания, столкновение с первой менструацией и прочее, прочее, прочее. Вроде как нужны были разговоры по душам и советы. Задача, которая в полноценной семье всегда отводилась матерям. Психологически нам обоим было сложно. И тут еще один немаловажный фактор проснулся со стороны отца, как оказалось, он не собирался в столь раннем возрасте становиться монахом. Когда мне было двенадцать папа привел в дом Жанну.

Проснувшись утром, я прошла в ванную умыться и собиралась в гордом одиночестве шествовать на кухню готовить завтрак, как вдруг в коридоре натолкнулась на женщину. Та выбежала из комнаты отца в одном полотенце. Точнее, вообще без него, впоследствии додумалась прикрыться. И глаза такие мелкие, как у мыши. Немного перепуганные. Скорее она тоже не ожидала встретить в доме подростка.

Обменявшись колкими взглядами, мы быстро разбежались по разным комнатам. Я кое-как соорудила бутрики, заварила кофе и... они все съели.

– Пап, но это был мой завтрак! – от досады мне хотелось плеснуть горячий кофе прямо в лицо этой блондинистой ку-

ропатке, чтобы больше не хохотала на нашей кухне и вообще в нашей квартире, как припадочная.

– Ой, дочка, прости. Мы опаздываем. Сделаешь себе еще? – вопрос чисто риторический, потому что положение у меня было безвыходное.

Точнее, выход был. Он всегда есть. Вот, к примеру, встать на подоконник и выйти в окно. Тогда я могла себе позволить такую роскошь, потому что мы жили на девятом этаже.

Я одернула полинявшую от времени штору, раскрыла створки нараспашку и в лицо хлынула январская метель.

– Тайка, нечего квартиру выстужать. Закрой окно!

Он не ушел. Всего лишь проводил эту неприятную особу.

– Пап, зачем я тебе? Ты даже меня не вспомнишь... – вторую фразу я почти прошептала.

Губы дрожали от холода.

В два шага он пересек кухню и сравнялся со мной. Ухо охватил, выбивающий весь кислород из моих легких, ожог. Будто кто бросил на него раскаленные угли.

– Ты что несешь! – одной рукой отец держал меня за мочку, оттягивая ее словно гитарную струну. В тот миг я мысленно порадовалась, что не ношу серьги иначе порванного уха было бы не избежать. Второй рукой он резко закрыл створки, сотрясаясь от злости. – Тайка, мне твои выходы вот уже где, – он отпустил мое ухо и приложил руку к своей шее, имитируя рвотный рефлекс.

– Пап, не приводи больше никого к нам, пожалуйста.

Он хмурился. Сердился. Но я поймала в его глазах такой редкий проблеск сострадания, прежде чем он снова успел скрыться под маской безразличия.

Двери распахнулись и в купе вошел отец, держа в руках кружки расписные такие – самые необычные в быту и самые обычные в поездах. Сейчас он поставит их на стол и польется мелодией тоненькое дребезжание. А на фоне унылой серости за окном будет струиться дымящийся пар.

Я сделала глоток. Поежилась. И мне чертовски захотелось потеряться в собственном свитере. Чай давно остыл. И хотя печь, отлично справлялась со своей задачей, но мне все равно почему-то стало холодно. Как будто тело покрыло невидимым серебром инея.

– С чабрецом, как ты любишь, – пролепетал отец, проследив за моей реакцией, а потом плюхнувшись в сиденье напротив лихорадочно провел по своей коротко стриженной шевелюре.

В свои тридцать восемь отец неплохо сохранился. Ни морщин, ни лишнего веса, только небольшая щетина, уставший взгляд из-под окаймленных длинными ресницами век и тронутые легкой проседью виски говорят то, что этот человек уже многое повидал на своем веку.

– Чего не пьешь?

– Пап?

Он бросил на меня вопросительный взгляд и проследив

за движением моей руки слегка стушевался.

– Помада, – прошептала я, потирая указательным пальцем свою шею.

Глаза вспыхнули блеском раздражения. Он стал ладонью оттирать отмеченный отпечаток косметики, но делал это поспешно, что только усугубило ситуацию. Кожа с серовато-молочного оттенка становилась ярко-алой.

В какой-то момент мне даже стало жаль своего отца, достав из наружного кармана рюкзака салфетки, я протянула их ему.

– Тайка, опять забыла, что я тебе говорил? – не дав и словечка вставить в том же духе, он продолжил свою реплику. – В дела взрослых не смей совать свой острый нос!

– Хорошо, буду совать чужой, – буркнула в ответ.

Но отец витал где-то в своих облаках. Наверняка все еще вспоминал пышные формы той молоденькой проводницы, с которой он развлекался несколькими минутами ранее.

Поезд прибыл по расписанию и, сойдя на перрон, я побросала на сырую землю сумки. Отец тащил за собой чемодан, а проводница на дорожку испустила тяжелый вздох и окинула отца взглядом побитой собаки.

– Тайка, давай быстрее! Нас уже такси ждет, – проронил он, прямиком направляясь к входу в вокзал.

«Ворчун старый» – отслютовала я мысленно в удаляющуюся от меня спину. Подхватив сумки, поспешила следом

за ним.

Нужный автомобиль нашли не сразу, как оказалось, в этот день с железнодорожного вокзала Томска, много было приезжающих, и много уезжающих. Потом еще произошла небольшая заминка. Таксист велел доплатить за багаж, якобы они так не договаривались. Папа бросил что-то в духе: ох уже эти онлайн-бронирования. Ничего толком нельзя согласовать! Отец не был скрягой, он просто во всем любил порядок и скорее поэтому его немного вывела из строя неожиданная новость.

– Поехали уже, – отдав наличные водителю, буркнул папа.

За окном мелькала расписная окраина сибирского города, а мы все дальше удалялись от домов, оживленных магистралей, узорчатых зданий и все ближе становились к лесному массиву, полупустой трассе и к потускневшим, от серости и пыли, краскам мартовского неба.

Настроение было отстой. Мне даже спать не хотелось, ну либо за эти два дня я отоспалась в поезде так, что на ближайший год точно хватит. На милость таксист не проявлял любопытства и поэтому мы полчаса просто ехали в изнуряющей тишине. Дорога была похожа на три месяца осени, когда все дни сливаются воедино.

– Приехали. Дальше только своим ходом.

Я отвела глаза с вечнозеленых елей и посмотрела в лобовое. Движение было перекрыто металлическими ограждениями. Решетчатые ворота складывались в своеобразные тун-

нели, каждый из которых был пронумерован. Батя сказал, что это центральное КПП и если у водителя нет особого пропуска, то, соответственно, проехать он не сможет, как и любой другой общественный транспорт.

На улицу мы выскочили словно селедки из банки и со всеми своими баулами попали прямо под морозящий дождь. Но ничего не сделаешь и поэтому пришлось топтаться на одном месте, ожидая досмотра. Я потянула капюшон, но, прежде чем скрыться от непогоды шею полоснуло холодное дыхание ветра.

В будке мелькнуло равнодушное лицо и попросило показать наши пропуска. Только стандартный процесс досмотра оборвал возникший, словно из воздуха, некто неизвестный. Появился он очень эффектно, мне даже уши пришлось зажать от резкого свиста, искрившего из-под колес его черной лады. Причем наглухо тонированной и поэтому рассмотреть лицо дерзкого водителя было совершенно невозможно.

Но на этом представление не заканчивалось, загрохотала музыка, всполошив округу маленького городка и я с осторожностью покосилась на наши чемоданы, которые уже ничто не могло удержать от замаячившего на горизонте танцевального батла.

– Кхм-кхм, – отец прочистил горло и достал из бокового кармана документы, да только показывать их особо некому было.

Сбитая с толку, я стала озиаться по сторонам, а в этот

момент из будки вышел человек в форме и замерев на месте, втянул свежий воздух жадно ноздрями.

– О, Бизон! Здорова! – за нашими спинами раздался крик, и мы с отцом развернулись посмотреть на того, кто явно был не знаком с совестью.

Контролер, ничего не ответив, махнул головой в знак приветствия, а потом вальяжной походкой промаршировал прямо к отъехавшему, со стороны водительской двери, стеклу.

– Мельников, выходи из машины! – силясь перекричать музыку на его лице, начали появляться красные пятна.

Наглый водитель явно не спешил покидать свой импровизированный клуб, потому как что-то бросил в ответ, но из-за музыки сложно было разобрать слова.

– Зна...е.. мне... не.. долго, – что-то вроде этого. Последнее я точно четко расслышала потому как одна мелодия быстро сменялась другой.

– И музыку уже выключи! – еще громче первой своей реплики пробасил Бизон.

На сей раз на Мельникова подействовал крик. Все-таки не зря краснел и пыхтел этот человек в форме. На секунду вокруг нас воцарилась атмосфера из тишины и покоя, которую тут же снова разорвал незнакомец. Из тачки он выбрался лихо. Нет, дверью не хлопал. «Видать, сильно любит свою «девочку». Вон и литье какое поставил, не поскупился. Тысяч тридцать только за один диск, не меньше», – промелькнула шальная мысль в моей голове, но самоуверенный парень

успел уличить меня в разглядывании его автомобиля и бросил в ответ холодную ухмылку, после чего прошел мимо нас так, словно ступал по пустой планете, где не было ни одной живой души. Острые скулы и взгляд хищный, выключает из тебя все живое подобно кладбищенской вороне. Посмотреть бы в эти хитрые глаза, вот только не только тачка его была затонирована, но и он сам. Фíговый понтарез! Солнце в это время года такой редкий гость, а он щеголяет тут в черных очках, словно один из демонов ада спустившихся на нашу и без того грешную землю.

– Так, давай багажник открывай, – пробасил Бизон.

– Ну Серег, ну ты че? Я ж сейчас время теряю.

– Давай, давай. Сначала впрягайся за тебя, а потом опять перед начальством отчитывайся. Оно мне надо? – выплюнув шелуху в сторону, он достал из кармана еще горстку семечек.

Батя у меня человек строгий и невоспитанность за версту чувствует. А то что мы видели перед собой сейчас проявление крайнего безобразия в этом не было никаких сомнений.

– Молодой человек, подойдите сюда, пожалуйста, – строгим голосом отец обратился к контролеру, но, кажется, его не так поняли, и на просьбу отреагировал эта выскочка на колесах.

– Подожди, мужик! Мою малышку сейчас смотрят, – это у всех парней такая привычка давать имена своим авто или байкам?

Время замерло, а с отцом стала происходить мгновенная

трансформация. Человек среднестатистических лет с неумолимой скоростью перевоплощался в боевого быка из испанской корриды. И пока он не наворотил тут дел, надо было брать все в свои руки. Вовремя зазвонил его мобильный, а я нырнула на дно дорожной сумки. Идея была сырой, как и асфальт под ногами, но попробовать стоило. Я быстро стала перебирать вещи: батины тряпки, моя одежда, а в боковом кармане немного косметики, которой я почти не пользуюсь. Это все было совсем не то, что мне нужно и я быстро переключилась на рюкзак, в котором покоились парочка музыкальных дисков и несколько книжек из художественной литературы, вот только ножичка среди них я так и не нашла. Время бесследно утекало, а секундная стрелка так и тикала мне по вискам. Я нервничала, что сейчас отец положит трубку, а контролер закончит осмотр автомобиля, и мой план вдребезги расколется, так и не облачившись в реальность. И в этот самый момент я наконец-таки вспомнила, куда мог пропасть маленький ножичек с красной рукояткой.

Выудив на свет острый предмет с самых недр своего необъятного рюкзака (из потайного кармана) я тихонько пробралась к автомобилю с водительской стороны. Пока те двое прятались под крышей капота, я одним филигранным движением руки вонзила острие в толстую каучуковую резину.

– Чисто. Можешь ехать, – услышала я приближающиеся шаги в свою сторону.

– Конечно, чисто. Ты ж меня знаешь, – последовал в ответ самоуверенный голос, и я вздрогнула, когда метнула свой взгляд в сторону отца. Он был зол.

– Тася, иди сюда!

Не нравился мне его тон, похоже, опять скоро будут гореть уши.

Мельников с улыбкой сытого котяры открыл дверь автомобиля, но вдруг резко замер на месте.

– А это еще что такое? – он наконец-то сдернул с глаз очки и круто развернувшись вперил в меня ненавистный взгляд бездонной пропасти. Ведь радужка была настолько черной, что сливалась со зрачком. – Ну-ка стой! Ты... маленькая мер... хм... что ты только что здесь делала? – он обвел пальцем воздух, обозначая границу передней части его автомобиля.

– Ничего, – беспечно бросила я и теснее прижалась к отцу.

Хищный взгляд еще больше демонстрировал миру такие гладкие и невероятно острые скулы.

– Мельник, что там у тебя еще? – показался человек в форме.

– Это все эта девчонка, – он стал махать руками. – Надо ее задержать!

– Что? – от возмущения у меня воздух в легких закончился.

– Ладно, разберемся. Пройдемте все в помещение.

– Минуточку! – отец смерил каждого из нас задумчивым

взглядом и остановился на Бизоне. — К вашему сведению перед вами стоит майор Медведев. Значит, поступим следующим образом... Вот наши пропуска, вы сейчас же проведете досмотр, а потом отпустите меня и мою дочь!

Глава 2. Новая школа.

Раннее, раннее утро. Под ногами полупустые дороги незнакомого города, а над головой сквозь мрачное и тусклое небо пробивается слабое свечение солнца. Вокруг лишь единицы людей, да редкие автомобили. Сама атмосфера такая, будто бы перед сном пересмотрел «Чернобыль» и попал в прошлое. Возможно, так оно и было, если вспомнить вчерашний наш переход через пункт пропуска.

Мрачный город совдеповских времен по всему периметру был огорожен колючим забором. К тому же проволока тянулась сразу в несколько рядов. Это я еще вчера на КПП успела заметить, мгновенно почувствовав подкатывающий к горлу ком, что нервно сжимался и сотрясался, словно лист кленовый на ветру.

Жилые дома – те и вовсе выглядели пугающе. В основном постройки представляли собой старые и обветшалые малоэтажки, как после великой бомбежки: куски осыпанной штукатурки, художества местных подростков – надписи, которые, если вслух произнести бабушки около подъезда сразу начинают тарыхтеть о том, какая же нынче невоспитанная молодежь пошла.

«Ну спасибо, папочка! Надеюсь, здесь мы не задержимся надолго».

Приближаясь к центру, я мысленно готовилась столкнута-

сы с рынком той эпохи, когда вещи примеряли, стоя на картонке, а продавцы верещали: это же фирма! Бери, дорогой. Не пожалеешь! Продукты и те взвешивали на циферблатных весах на одну сторону – колбаску там, фрукты, либо овощи, а на другую чашу – гирию.

Опасения мои рассыпались в труху, как только я ступила на центральную площадь, во главе которой красовалось старое двухэтажное здание местного гастронома, только первая буква названия перегорела и покрылась трещинами, зато остальные сияли ярко, выстроив наименование совсем другого значения. А вот дальше от гастрономного-астронома высились две свеженькие постройки это – бассейн «Дельфин» и ледовый дворец «Ласточка». Разглядывать остальные достопримечательности городка у меня совсем не было времени и поэтому, затерявшись на одной из узких улочек, я вдруг вспомнила вчерашнего негодяя. Неудивительно, если сейчас повалит дым из ниоткуда, а после появится черный ворон. Вот блин! Этот тип такой мутный. Надеюсь, я его никогда больше не увижу.

Из мыслей меня выдернул покрытый коррозией кованный забор, в который я чуть не врезалась замечтавшись. Но через решетку перед глазами замаячило кирпичное здание. Так вот ты какая? Моя новая школа... Примерно так я ее себе и представляла.

Попав внутрь меня чуть, не снесло ветром старины. На вахте дежурила ворчливая старушка и она же заведовала гар-

деробом. Я сдала верхнюю одежду и, оглядываясь по сторонам, стала осторожно двигаться вдоль по длинному коридору. Пол под ногами поскрипывал, как расстроенный инструмент, но я посмотрела на бегающую сломя голову школоту, раз они до сих пор не ушли под землю, то и я не должна провалиться. Наверное.

Только выдохнула спокойно, подняла глаза, а там... Впереди меня ждало еще одно препятствие.

– Гребаный «Форт Боярд!».

«Поднимешься по лестнице, там рядом с кабинетом директора будет твой класс», – всплыли вчерашние слова отца. А у меня лишь эхо в голове: поднимешься по лестнице... поднимешься по ле... поднимешься...

Раз ступенька.

Два ступенька.

Три ступенька.

И ничего не страшно даже. Подумаешь, на шестой, вон сбоку дырку заколотили. Главное же что заколотили?

– Медведева? – и развернуться бы не мешало, но мало ли нас таких Медведевых. Распространенная фамилия как-никак. – Таисия! – Ух, а голос-то какой, до мурашек пробирает. Стальной. Холодный словно воздух на вершине Эльбруса.

– Здравствуйте? – передо мной в двух шагах стояла женщина примерно возраста, как мой отец, а может, она была постарше его. Только эти милые белые кудряшки ей очень шли и делали лицо более моложавым, а еще совершенно не

соответствовали командному тону. – Можно просто Тася.

– Ты у нас новенькая, верно?

Очевидный факт я подтвердила кивком головы.

– Класс знаешь, где находится?

– Да.

– Отлично! Меня зовут, Паулина Романовна. Твой классный руководитель, а это... – она протянула мне толстенную папку, листы которой были сшиты прочной нитью, – журнал. Отнеси его и положи мне на стол. Вернись со звонком, так представлю тебя ребятам. Как раз у вас сейчас классный час намечается.

Паутина Романовна, не ну а как еще называть женщину, у которой вместо волос на голове одно сплошное сплетение на сплетении? В общем, училка отдалилась от меня на довольно приличное расстояние, но цоканье ее острых каблучков до сих пор трезвонькало у меня в мозгу. А потом еще эти странные звуки в конце коридора за неведомо куда ведущей закрытой дверью.

– Стоять! – схватила за капюшон так вовремя подвернувшегося мальчишку младших классов. – Что это за дверь?

Он посмотрел на меня, как на полоумную, но быстро смекнул, что мне лучше правду ответить.

– Там пожарная лестница. Только... туда не стоит соваться, если не хочешь огрести.

– От учителей? – догадалась я.

– И от них тоже, – тяжело вздохнул мальчишка при этом

плечи его сразу же осунулись. – Часто там старшаки всех прессуют, кто не так посмотрел в их сторону или сказал не то.

Наверное, мне было больше всех надо, но признаться честно я просто любила всякие такие заварушки. Когда мы жили на Дальнем Востоке, за год я успела сменить две школы. Потому что в одной мне не понравилась училка математики. Строгая Жаба Ивановна. Реально не помню, как ее звали, но она была такой же толстой и зеленой, как это болотное существо. И вечно квакала протяжно и заунывно:

– Садись, Медведева! Два, Медведева! Не знать теорию вероятности, – и качала своей заплывшей головой. – Ай-яй-яй, Медведева!

Я один раз ей стул клеем намазала, так та разворчалась и вцепилась в меня своими мелкими черными глазенками. Почему-то сразу же именно на меня и подумала. Жаба, она и есть жаба! Так и воевали! Постоянно отца дергали, а у него разговор короткий причем со всеми и выдержка такая же. Поэтому сразу же перевел меня в другую школу. Впрочем, там я завела дружбу с Гришкой Маршалом, его, кстати, все так и звали по говорящей фамилии «Маршал». Он пока вахтершу отвлекал, я на десять минут раньше звонок давала. А когда должна была состояться очень важная контрольная по информатике, мы вообще разработали гениальный план. Перед звонком на урок побежали в подвал, у нас там было два спортзала один маленький, а другой для стар-

ших классов. Так вот, в подвале том обычно только в начале коридора работали лампы, а между спортзалами царила атмосфера ночи. У стены вдоль стояли несколько стульев. Я была на целую голову выше Гришки, поэтому важная миссия целиком лежала на мне. Мальчишка поджег лист бумаги и я, забравшись на спинку стула, пыталась тянуться к потолку туда, где зиял пожарный датчик. Ноги тряслись, но, несмотря на шуплого Маршала, он крепко держал меня своими тонкими руками-ниточками. Пришлось повозиться, но план сработал. Раздался пронзительный визг... Ой, сколько шуму было. Сколько суеты вокруг.

Интерес подстегивает чрезмерное любопытство, и я не могу вот так просто оставить без внимания то, что творится там за этой дверью. Пару минут заворуженно смотрю в одну точку, а после дергаю ручку на себя, но она почему-то не поддается. Я же только что слышала за ней какой-то шум. Снова дергаю, и на этот раз дверь немного отходит в сторону, появляется небольшой зазор. Но кто-то тут же захлопывает ее прямо перед моим носом. Ах вот оно что! Я со всей силы наваливаюсь на преграду, и она резко распаивается. Раздается девичий визг. Передо мной, развалившись на бетонном полу, сердится, по всей вероятности, обладательница писклявого голоса.

– Ты кто такая? Че те надо? – сыпятся вопросы со стороны и я оборачиваюсь на еще один голос чуть более грубый.

– А я... это... ты – та самая, кто... – продолжение фразы я

изображаю пантомимой. Закинув ладонь над своей головой и растопырив три пальца, что значит «корона».

Королева никогда не ходит одна. Вот и сейчас часть ее свиты – это писклявая девчонка, что минутой ранее подпи-рала дверь, но я оказалась сильнее ее и бедолага свалилась на пол. Кстати, до сих пор сидит в том же положении и, ве-роятнее всего, ждет дальнейших указаний от своей короле-вы. Вторая участница шоу трется по правую сторону от нее. Глазки нагленькие и ни капли страха, ни толики раздраже-ния. Смотрит в упор, а потом убирают в карман маркер, это я успеваю заметить уже в самый последний момент. Пыта-юсь рассмотреть, кого хоть прессуют. Но непонятно то ли там парень, то ли девчонка в мальчиковой одежде. Волосы у жертвы чуть выше плеча окрашены в ярко-фиолетовый цвет. Сама же жертва сидит на ступеньке, свесив вниз голову.

– Допустим, – королева складывает крест-накрест руки и надув недовольно губки хмурится. – Сочту за комплимент. Тем не менее тебе че здесь надо?

Девушка медленно спускается по лестнице направляясь прямо на меня, и в эту же секунду звенит звонок на урок. Она глазами командует своей подружке, чтобы та снова за-крыла дверь.

Атмосфера накаляется. Затылок обжигает холодный ме-талл ярости, что в одно мгновение кристаллизуется в ее рас-ширившихся зрачках.

Теперь мы стоим лицом к лицу. Она внимательно всмат-

ривается, словно хочет выжечь у меня пятно на лбу. От королевы веет ментолом и дело тут явно не в жвачке. Девушка негодует. Она не может понять, кто посмел нарушить ее царские покои.

– Что-то я тебя раньше не видела, – наклоняет голову влево, словно у нее в черепной коробке вместо мозгов одна сплошная груда камней.

– Я...

– А знаешь... мне пофиг!

Все происходит так быстро, что я не успеваю даже среагировать. Лишь дергаюсь, почувствовав острую боль в животе.

– Крис! – опять визжит этот противный голос.

Я делаю рваный вдох и пытаюсь вернуться в прежнее состояние, но в этот момент девушки кучкуются к выходу. Я понимаю, что в живот ударила меня эта самая королева или как к ней еще обратились Крис и единственное, что хочу сделать это выцарапать ей глаза. Вцепиться своими короткими ногтями. Содрать кожу с ее румяных щек. Чтобы навсегда запомнила, что не на ту нарвалась. Даже хватаюсь, как, мне кажется, за ее волосы, но девушки бесследно исчезают за дверью.

– У тебя салфетки есть?

Что? Кто здесь? Потом я постепенно отхожу больше от шока, чем от физических увечий и вспоминаю про жертву. Ею, кстати, оказывается парень примерно моего возраста. В широких темных джинсах и яркой ляпистой футболке.

Я бросаю на него удивленный взгляд, а он тут же берет челку и отводит волосы назад. На лбу красуются три буквы выделенные курсивом.

«Л.О.Х.»

– Любить очень хочется, – бормочу я, протягивая парню салфетку.

– Извини, но на роль твоего парня я вряд ли сойду, – бормочет он и принимается оттирать надпись со лба.

– Не тушуйся! Это всего лишь аббревиатура, – пожимаю плечами и поднимаю с пола классный журнал, который выпал у меня из рук, когда королева крышей поехала.

– Тогда уж лучше: «Логово отвергнутых химер», – морщит крупный нос и зрелище напоминает сморщенную картошку.

Непроизвольно вырывается смешок.

– Извини, – не то, чтобы этот парень вызывал жалость просто за такой короткий отрезок времени я успела уловить в его манерах редкую черту доброты. Такой искренний и настоящий. Мне кажется, он даже обижаться не умеет.

Трет. Трет. Прямо как батя мой тогда в поезде, а надпись все не стирается.

– Похоже, что одними салфетками тут не обойтись... – я делаю тяжелый выдох, а парень с обреченным видом поднимается со ступеньки. – О, есть идея! Но для этого нам надо отсидеть еще урок.

В класс мы врываемся в самый разгар бурных распрей Паутины Романовны и ее неупокоенных учеников. Поэтому уже «подогретая» классуха пулей переключается на нас.

– Так, так, так... – облакачивается бедром в учительский стол и кладет руки на пояс. – Воробьев и Медведева.

Она делает тяжелый вздох. Странно, но атмосфера тишины и покоя воцарилась здесь сиюминутно, как только мы оказались центром притяжения. Будто тайфун прошел по коридору и смел все недомолвки.

– Садись, Антон,

Итак, за короткую сцену знакомства выяснилась еще одна новость, что мы с жертвой. Ну, точнее, с Антоном Воробьевым теперь будем учиться вместе, но не менее прекрасную новость я узнала, когда поймала на себе чей-то пристальный взгляд. Пробежалась по классу глазами и в первом ряду у окна за третьей партой обнаружила ту самую королеву, да еще и с подружкой, которая вывела надпись на лбу у нашего одноклассника.

– Знакомьтесь, ребятки. Это – Таисия Медведева ваша новая одноклассница, – у меня словно сквозь туман пролетают слова классухи и перешептывания новых одноклассников.

Я лишь поскорее отдаю классной журнал и пробираюсь между рядами в поисках свободного места. Во втором ряду вижу свободное место рядом с девчонкой, похожей на одуванчик. Ее белые волосы такие же пушистые, как пух. Но она опускает голову и ставит рядом с собой рюкзак. Не больно-то

и хотелось сидеть в самом центре класса. Поэтому обнаружив в конце ряда пустую парту, я почувствовала прилив сил и поспешила поскорее занять место.

– Даже и не думай, – раздается со стороны знакомый голос.

– Кристина! – одергивает эту пиявку Паутина Романовна.

– Что Кристина? Это же место Влада!

Даже с конца класса я замечаю уставший взгляд классухи. Токсичные люди – они токсичны во всем. Отравляют воздух, планету и все свое окружение.

В каждой школе и в каждом классе есть свой токсик, а моя задача взять дихлофос и вытравить эту муху.

Глава 3. Вытравить токсичную муху!

Трель звонка пронзительная и долгожданная. Я срываюсь с места, несусь сломя голову между рядами, по пути хватая за руку Антона или, как я его еще мысленно нарекла «Антенна». Правда, парень не в курсе о смене имени, да и вообще ошарашенно поглядывает в мою сторону, но мне некогда объяснять – пора действовать!

– Тася, тебя какая муха укусила?

– Длинноногая, высокомерная и самая что ни на есть токсичная, – сквозь зубы цежу я.

Выбравшись на улицу через парадный вход, мы делаем небольшую паузу. Антенна подается верхним корпусом вперед и упирается ладошками в колени. Делает глубокие вдохи и выдохи. Я тоже хватаю жадно воздух губами и закашливаюсь. Немудрено, когда на улице температура чуть выше нуля, а утрами еще и заморозки прослеживаются.

– Совсем чумная! Заболеть хочешь?

– Не бухти, старлей! Служба зовет! – парень хмурит брови и округляет глаза. – Ай! Не обращай внимания. У меня просто отец военный. А вообще погнажи, я тут о тебе как бы забочусь.

– Да? И каким же это образом? – по голосу замечаю, что

Антенна начинает мерзнуть не по-детски.

– Показывай, где у вас тут парковка?

Пока одноклассник не раскрыл секрет маршрута, я наобум бреду по территории вокруг школы, а тот семенит за мной, размахивая руками, и его жестикуляция больше напоминает разминку, чтобы немного согреться.

– У меня есть идея, но для этого нам нужен бензин. Так что до парковки далеко еще?

– Ты что фильмов американских пересмотрела. По-твоему, тут каждый школьник гоняет на собственном эскалейде? – парень поворачивается ко мне лицом и начинает идти спиной вперед.

В этот момент из-за туч выглядывает солнышко, отчего сразу становится немного теплей.

– Ну ни на эскалейде прям, но какая-никакая ржавая железяка-то на колесах в арсенале имеется? – Антенна глянул на меня с сомнением, что означало: я сейчас пальцем у виска покручу, но ты же все равно не отречешься от своей безумной идеи? – Что даже учителя передвигаются только на общественном транспорте?

– Среди одноклассников тачка есть у Влада, но смею заметить ты уже и сама в курсе, что его сегодня нет в школе. Да и вообще он часто прогуливает. А из учителей... – задумался на секунду Антенна, а я вовремя заметила препятствие.

– Осторожно! Камень!

Парень подпрыгнул на месте, оглянулся себе под ноги и

дальше продолжил бег спиной.

– Спасибо. Так вот, что касательно педагогического состава, то завуч ездит на личном автомобиле. А парковки у нас нет. Все приезжие и уезжие за воротами вдоль дороги автомобили свои оставляют.

– Блин, Антон! Ты что сразу-то не мог сказать, мы уже с тобой половину территории обошли – это нам, что сейчас обратно топать?!

– Почему обратно? – искренне удивился парень, – Идем дальше – по кругу. В данный момент мы находимся где-то по центру учебной оси, а потому нам хоть так, хоть эдак расстояние одинаковое.

Оставшийся путь до ворот преодолеваем в молчании гордом. Антон больше не маячит перед моим лицом, а широкими шагами переступает рядышком по правую сторону от меня.

– Ну давай, показывай? Кого обворовывать будем? – я поднимаю рубашку и достаю маленькую бутылочку, которая все это время держалась под поясом широких джинсов.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Таисия, – цокнул Антенна и медленно покачал головой.

У ворот стояли всего два автомобиля, что для нас было слишком палевно и поэтому мы присели на корточки, скрывшись от глаз посторонних за багажником темно-синей «поло».

– А фольц чей, – для полной конспирации я еще и на ше-

пот перешла.

– Чего? – взъерепенился Воробьев.

– Че, ты орешь! – шикнула на него я. – Говорю фольксваген чей?

– А... это... у директора вроде такой же был, но я не силен в марках.

Я насторожилась. Сливать бенз у директора школы, да еще и в первый учебный день. Стоило хорошенько над этим поразмыслить.

– Ну а это, тогда чья? – я махнула ботинком в белую дверь напротив нас.

Вторая машина оказалась попроще по размерам этакий мини-купер, а по классу – любимая колымага дяди Валеры.

– Не знаю. Раньше не видел. Может, трудовик разбогател и с велика на автотранспорт перешел, – развел руки в стороны Антенна. – Слушай, Тась. А как ты сливать собралась?

– В смысле?

Никогда в своей жизни мне не доводилось бывать на краю обрыва, но это утро изменило многое. Точнее, оно открыло мне глаза на то, какая же я на самом деле не отважная, а глупая! Впервые испытала ощущения человека, стоящего у самого края пропасти, и когда земля начинает уходить из-под ног. Камни летят в неизвестность, даже не слышны звуки их приземления.

– Ну, смотри у тебя есть емкость, куда ты собралась слить жидкость, а трубка или груша, чем там еще обычно замеща-

ют насос? Тоже имеется?

В моем случае сейчас лучше сомкнуть глаза и не смотреть на этот мир, иначе зрачки очень скоро покинут свою орбиту.

– Я думала, что бутылки будет достаточно.

Наша конспирация летит к чертям, когда Антенна падает задницей на асфальт и покатывается со смеху.

– Ну, Медведева... а-а-а-а... я не могу!

– Хватит ржать! – я пинаю парня в ногу, и тот подскакивает с места. – Я тебе, придурку, помочь хотела.

– Да? И зачем мне бензин? – произносит Антенна, борясь с новым приступом смеха.

– Надпись со лба стереть, а то ты так и месяц с ней проходишь. Наверняка маркер был перманентный.

– И стоило из-за этого на улице мерзнуть? – улыбается широко. Ладно хоть больше не смеется, как припадочный.

– Как видишь, нет, – тихонько бурчу себе под нос я.

Сложно признавать свои ошибки, но враз моя идея накрылась медным тазом.

– Ой, Тайка. Забавная ты. У тетя Зои на вахте всегда антисептик имеется, пошли!

– Ты иди, а я тебя догоню, – парень бросает в мою сторону вопросительный взгляд.

Сворачиваю импровизированную трубочку и начинаю вдыхать.

– А ты из тех, кто ведет нездоровый образ жизни? – неодобрительно покачивает головой после чего скрывается

за дверями.

Фух. Выдыхаю. Разворачиваюсь. И несусь вниз по ступенькам. Где-то я тут по дороге стекляшку видела. Ага! Прыгаю прямо в кусты и там нахожу еще несколько осколков. Запихиваю их все в бутылку, а вот большой кусок стекла отправляю под подошву, чтобы треснуть его ногой. Разбивать точно не вариант – так, навлеку много шума.

Эта токсичная муха по имени Кристина должна ответить за свои поступки. Тем более, у меня до сих пор живот болит. Она объявила мне войну. Она ее получит.

В школу прихожу раньше обычного. И начинаю испытывать небывалый восторг, когда события постепенно набирают оборот точно по сценарию, который я прокрутила в своей голове накануне вечером: полупустой класс и вещи Крис на месте, а самой виновницы торжества и ее свиты след простыл. Антенна тоже еще не пришел. Отлично. Лишние свидетели ни к чему.

На первой парте сидит девочка и увлеченно читает книжку. А прямо за девочкой на другой парте сидит парень в наушниках и играет в какую-то стрелялку на телефоне. В середине ряда еще две девчонки заняты беседой. Вытравить их всех задача – невыполнимая, поэтому поступим следующим образом...

Шлеп'с телефон выскальзывает из моих рук и приземляется прямо рядом с партой Кристины.

– Все в порядке. Мобилу уронила, – но мои новоиспеченные одноклассники все как один оказались бездушными теньями. Поэтому никто даже не оглянулся в мою сторону.

Достала бутылочку с особо опасным содержимым и тихонько принялась высыпать стекляшки в приоткрытую сумку Крис. Тара на моих глазах стала пустеть. Я прячу ее снова под рубашку, поднимаюсь во весь свой рост «полторашки» и делаю вид, что осматриваю телефон.

– Всем привет!

– О, Плат! Здравова! – парень в наушниках на секунду отлипает от своего телефона.

– Воробушек прискакал, – доносится голос девчонки с первой парты.

Я поднимаю глаза на этого самого Воробушка и вздрагиваю. Парень стоит в дверях со взглядом гипнотизера. Его зеленые глаза кажутся очень знакомыми, а вот коротко стриженная блондинистая шевелюра вводит меня в состояние крайней растерянности. Вот блин это же... Антенна! Получается, я зря выкрасила свои передние локоны в сиреневый? Обида бьет по затылку чем-то таким тяжеленьким. Может быть учебником алгебры. Я ведь ради нашей зарождающейся дружбы пожертвовала даже семейными ценностями. Батя, когда увидит окрашенные волосы, вой поднимет, что все соседи съедут со своих квартир.

– Антон?

Парень никак не реагирует на мой призыв и первым раз-

рывает зрительный контакт. Он важной походкой отправляется в конец класса. Бум. Рюкзак приземляется на пол у ножки парты, а сам хозяин вальяжно усаживается на стул рядом с моим местом или чье оно там, как сказала вчера Крис. Ой, а может это и есть тот самый Влад?

Я возвращаюсь за свою парту, или его парту, или нашу, или чья она там в итоге-то? И тщательно продумываю, с чего бы начать диалог.

– Тоха и тебя в свой клуб неформалов втянул?

Только я не успела ничего ответить, как прозвенел звонок. В класс повалили остальные ученики. Крис зашла медленно и, виляя своими тощими бедрами, направилась к своей парте. Пошушукалась с подружками. Достала зеркальце из кармана своего малинового цвета пиджака. Покривлялась, словно мартышка из басни Крылова. Вернув зеркальце обратно в карман, она потянулась к сумочке. Барабанная дробь. Я уже приготовилась зажать уши, вот только вместо визга раздался громкий голос соседа справа:

– Крис, стой!

– Ага, еще чего? Может быть, полаять или лапу дать? Я что на собаку похожа?

– Очень. Та еще шав.. – не удержалась я, но снова меня оборвал сосед справа.

– Крис, я не то имел в виду. Сумку свою дай, пожалуйста.

Я думала, она опять начнет ерепениться. Или кидать свои ядовитые фразочки. Но нет, на этот раз натягивает милень-

кую улыбочку и спокойно произносит:

– Понравилась? Только я тебе ее не отдам – это же «Гесс».

Парень встает со своего места, тяжело вздыхает, кажется, Крис и его начинает раздражать.

– Кристин, ты не поняла. Дело в том, что мне показалась, как туда залезла мышь.

Охи и вздохи. Переглядывания и перешептывания. Кристина морщит лоб и оттягивает от себя сумку, аккуратно приземляя ее на соседнюю парту. Сосед по парте подрывается с места и, на лету схватив бомбу замедленного действия, отправляется напрямик к мусорке. Все замерли в ожидании шоу. Но парень нас обламывает. Ну, или точнее, не нас, а их – моих глупых одноклассников. Встает к классу спиной и дергает руками, только так тихонечко и аккуратно. По комнате летят звуки падающих учебников и прочих вещей. Потом парень возвращает содержимое обратно в сумку, кроме осколков, конечно же. Те по всему видимому сейчас покоятся на дне мусорного ведра.

– Показалось, – бормочет он и вернув сумку своей хозяйке возвращается за парту.

Я не моргаю, а продолжаю откровенно пялиться на него.

– Ну и зачем?

Он хмыкает, теребя в руках карандаш.

– Это я тебя должен спросить. Зачем? Зачем тебе такой красивой и смышленной девчонке опускаться до мокрых мест?

Я уже не просто плююсь, а чувствую, как челюстью щелкаю о край стола.

– Интересно мне знать, а когда это ты успел определить, ладно красоту опустим, что насчет смышленной? В какой такой момент я проявила перед тобой свой высокий уровень эрудиции?

– Ни в какой. Просто я вчера полвечера слушал эмоциональный рассказ брата о том, какая клевая новенькая появилась в нашем классе.

Шестеренки закрутились. Кубик к кубику. Пазл к пазлу. Эврика! Тоха, Воробушек. Все сходится.

– Брат?

– Ага. Мы близнецы.

– А Плат – это сокращенно от Влад?

Ухмыляется.

– Какая же ты забавная. Нет. Плат – это Платон. И... – протягивает руку. Ни секунды не раздумывая пожимаю дружественно ладошку, – приятно познакомиться!

– А Влад – это еще один брат? Сколько вас? Трое, четверо или, может, как в сказке о белоснежке с семьей гномами – тоже семеро?

Платон хохочет.

– Двое, нас всего двое. А Влад – это мой друг, – он улыбается и утыкается лицом в тетрадь, но резко тормозит и снова поворачивается ко мне, – Кстати, а тебе не говорили, что ты сидишь на его месте.

– Ой да? – театрально выпучиваю глаза и охаю, – мне пересесть?

– Как хочешь, – пожимает плечами парень.

– В таком случае я еще немного здесь потусуюсь, – бурчу так тихо поднос, что Платон вряд ли мог расслышать.

Глава 4. Мои друзья - Антенна и Плат.

Отсюда не слышны голоса людей, но зато отлично видны их силуэты. Силуэты двух парней. Двух братьев.

Антенна и Плат. Такие схожие черты лица, строение тела, в каких-то редких движениях они становились отражением друг друга. Синхрон. Волна левой рукой, волна правой. И на этом их одинаковость заканчивалась.

Братья Воробьевы являлись тем, редким видом близнецов. Их можно было отличить даже по голосу и росту. Если стоять близко – на расстоянии вытянутой ладони, то Антенна был чуть ниже Платона. Один походил на сливу благодаря перекрашенным волосам. А второму на голову, скорее всего, вылили банку сгущенного молока. Именно в таком свете смотрелся натуральный оттенок его волос. Антон носит одежду ярких расцветок и на два, а то и три размера больше. Платон придерживается темных оттенков при выборе шмота. За счет чего опять же между братья пролегает заметный контраст. Как инь ян, как небо и земля, как темнота и свет.

Антенна вчера пришел ко второму уроку, а на перемене он рассказал мне историю о том, как по дороге к школе засмотрелся на сороку. Я сначала не врубилась про какую такую сороку он говорит. Ну мало ли может это его знакомая

и у нее просто прозвище такое. А он продолжает: она ветки таскала. Гнездо вьет. Поэтому весь остальной путь прошел в хорошем настроении. А грязь под ногами, что опоясывала подошву его ботинок, больше не казалось ему такой мрачной, как раньше.

– Дурень, ты точно антисептиком надпись оттирал, а не водкой? – я его прямо так и спросила, но Антенна не понял минуты юмора и обиделся.

На уроке истории мое внимание оккупировал второй брат. Точнее, я сама нагло влезла в его мир ролевой игры. Плат был в наушниках и пока у всего класса шла холодная война: от Берлинского до Карибского кризиса, то парень же отважно сражался с самыми нереально-реальными монстрами, используя всего лишь лук и стрелы. Наверное, поэтому он забил себе место в самом конце класса.

А потом как-то сами собой решились недомолвки между мной и Антенной. После школы я отправилась домой, но так получилось, что братья шли до остановки, а я почти дышала им вслед. Первым не выдержал Антон и замедлил шаг.

– Я хочу быть орнитологом! – заявил он. – Планирую поступать в Питерский госуниверситет. У нас дядька там живет. Поэтому сейчас все будет зависеть только от того, как я госы сдам.

– Сдаст. Он у нас первый отличник в классе, – вклинился Плат, сняв один наушник.

– И ты тоже поедешь? – нет, я не считаю, что если близне-

цы, то это как попугайи-неразлучники. Наверняка они часто даже тусуются отдельно друг от друга.

Платон пожал плечами и вернул наушник на место, а потом мы приблизились к остановке, и на этом наша познавательная беседа подошла к концу. Вскоре прибыл их автобус и, помахав мне ручкой на прощание, парни запрыгнули в салон.

Сегодня я проспала. Обычно, как только вырублю будильник, буквально через минут пять по квартире разносится боевой клич отца. Только батя вчера не пришел домой. Практика редкая, но случалась не раз. И учитывая специфику его профессии – это нормально. Поэтому по привычке, отключив нарастающую мелодию, волшебные минуты чудесным образом, растянулись в целый час.

Наспех умывшись и одевшись до школы, я летела ошпаренной мухой. Первый урок должен был закончиться через несколько минут, и я решила, что уже нет смысла краснеть в дверях перед всем классом. Подошла к окну бросив рюкзак на банкетку и засмотрелась в серое небо.

Колючая погода делала этот городок еще более мрачным, еще более тусклым. Вдали словно дикие холмы торчали охладительные башни, как их еще называют местные – градирни. Отсюда виднелась и крыша химкомбината, и небольшая часть завода, а за воротами прямо на обочине располагалась вентиляционная система городских сооружений. И

мне почему-то она показалась похожей на маленькую бетонную будку для собаки. Батя сказал, что их таких по всему городу раскидано вагон и маленькая тележка.

Внизу, где школа замыкалась буквой «Г» я заметила еще один вход. Он был заколочен досками крест-накрест. Скорей всего раньше здесь находился центральный вход, но после ремонта его списали за ненадобностью, и теперь там высится очень высокое дерево, сквозь ветви которого промелькнули две мальчишеские фигуры. Сначала я не придавала этому значения, только когда парни выступили чуть вперед и оказались у меня на прицеле я – офигела. Это были братья Воробьевы. Они двигались ритмично, уверенно и смело, но потом разделились. Первым в центр вышел Плат. Свою белобрысую макушку он скрыл под капюшоном черной худи. Стал качать корпусом и ногами, словно игрок в твистер. Крутился. Закручивался, а потом возвращался обратно. После него вышел Антенна и тоже не отставал от брата. Мне даже показалось, что он чуть пластичнее Платона. Антон мягкий, как пластилин по его движениям можно было определить, что он легко владеет своим телом.

Эти парни не просто меня удивили, а отключили на время способность здраво мыслить. Теперь я понимаю, что переживают ученые, открывшие новую планету, вирусологи, заметившие положительную динамику в изменении науки, ну или человек только что сваливший из френдзоны.

Я проваливаюсь в воспоминания, где мне пять лет. Мама

ведет меня в студию фигурного катания. Впервые я встаю на коньки и чувствую непреодолимый страх, ноги гнуться и мне невыносимо тяжело находиться в этой неудобной обуви, какой-то дядя рассказывает, что-то совершенно непонятное для меня. Но мать упорно сердится, ворчит и продолжает таскать меня туда.

— Тася, ты девочка! Ты должна уже с детства правильно держать осанку. Ты должна правильно питаться и всегда быть в форме! Ты должна...

«Мама, а что такое держать осанку?»

«И что значит: быть в форме?»

Но я знаю и чувствую, что не должна ей этого говорить иначе она опять будет сердиться. А потом вечера, где я сижу на одном месте и мне все сложнее передвигаться по дому, потому что ноги опухшие. Однажды вмешался отец. А потом ссора родителей. Из-за меня или нет, это даже неважно. Они уже тогда часто ссорились. Но эффект от той стычки был и на какое-то время жесткая тетушка подуспокоилась. Ненадолго, правда. Раз с фигурным не прокатило, решила она меня в хореографический кружок отвести. Случилось это где-то через год, совсем близко к разрыву отношений с отцом. Наверное, если бы и с танцами у меня не сложилось, то предки уже тогда развелись. Но с танцами у меня сложилось и ой как сложилось. Я смешивалась с музыкой и даже чувствовала ритм, как говорила тетя хореограф. Еще она говорила: у вашей девочки талант и нужно его развивать. Только разви-

вать мать стала не мои танцевальные способности, а свои – актерские. Позже ей поступило очень заманчивое предложение, но для этого необходимо было лететь в Америку, а батя невыездной. Так, ее карьера могла накрыться медным тазом. Мы тогда, ой как глубоко ошибались. Потому что, выбирая между семьей и работой она, конечно же, остановилась на втором варианте. И очень быстро от нас свалила. Первые пару лет я на что-то надеялась и зачем-то ее ждала, а потом она даже звонить перестала. Потом у отца закончился контракт и его снова перевели в другую часть другого города. Водить меня на танцы, да и вообще различные кружки отцу было некогда. Вопрос был закрыт сам собой. Я целыми днями проводила дома одна, включала музыкальный канал, закрывала глаза и двигалась, двигалась, двигалась...

Из воспоминаний меня выдергивает пронзительный звон звонка. Школу сотрясает извержение вулкана. Двери распахиваются, а коридоры пополняются множественными топотами ног, бегающих всюду учеников и таких же спешащих в учительскую педагогов. Тишина самоиспепеляется и громким хором разносятся голоса: высокие, низкие, мелодичные, хриплые. Я пробираюсь сквозь все эти тернии и выбежав на улицу скорее мчусь на задний двор.

Парни, увидев меня, машут рукой. Фиолетовая челка Антены взлохмачена и влажные пряди торчат, как сосулины.

– Привет, Тася! – он хлопает меня по плечу.

Платон приветливо улыбается и словно спринтер на забе-

ге торопливо обходит нас стороной. К нему присоединяется Антенна.

– Эй, парни! Вы что так и бросите свою подружку одну? – я слышу, как хмыкает Плат, но остается недосыгаем все также скрываясь под капюшоном.

– Мы и так первый урок прогуляли. На физру лучше не опаздывать. Ромашка нам потом времени на игру не оставит. Все сорок минут будем кросс бегать, – выдыхает Антенна и разворачивается ко мне спиной, догоняя брата.

– Так вы и так неплохо, ребята, размялись, – кричу я.

Парни замирают на месте.

– Она нас видела, – слышу, бормочет Плат.

– Похоже на то, брат! Похоже на то, – в тон его голосу отвечает Антенна.

Я же иду к так называемому танцполу, где всего несколько минут назад двигались эти двое. Включаю первую попавшуюся мелодию на своем мобильном. Они все закачены специально для хопчика. Другое я и не слушаю.

Пару секунд даю себе мысленный настрой, и тогда музыка проникает в мое тело. По коже невидимой рябью бежит импульс. Я не отключаюсь, а лишь ухожу в иное измерение. Так происходит всегда, когда я танцую. Так, происходит и сейчас. Плавные покачивания. Движение нижним корпусом. Одна нога. Вторая. Кач... кач... кач... Вот она – бутылка с посланием, брошенная в океан и гонимая течением. Музыка нарастает и я возвышаюсь уносимая сначала влево, затем

вправо. Ладонь начинает гореть, когда вес своего тела я перевожу только на одну руку, а тут еще и асфальт неровный.

– Девчонка-то крута, – доносится до меня голос Плата.

Убираю телефон в карман и закидываю рюкзак на плечо. Они широко улыбаются и не сводят с меня своих глаз.

– Платоха, тебе надо чаще тренироваться, а то ноги пружинят под стать ветхому пенечку.

– Ауф! – вздыхает Антенна. Он не ожидал таких резких заявлений в сторону своего брата, но... подожди, парень и до тебя сейчас доберусь. – А ты, Антоха! Тебе бы наоборот добавить нагрузки. Вон как в коленях прогибаешься словно не ножки, а два сахарных тростника подгорающих на солнце.

Плат смеется. Просто конем заливается.

– Ой, Тасян! Пойдешь с нами завтра в клуб?

Клуб? Сильное заявление. Я редко бываю в подобных заведениях. Обычно мой выбор это – одинокие улицы и свободное течение хоть под музыку, хоть без.

– Я подумаю.

Глава 5. «Берлога».

Влад

Парень раздражен, особенно когда рядом с ним эта девушка. Нет, с ориентацией полный порядок, да и Крис, в общем-то, красивая. У нее мягкие платиновые волосы, которых он касался не раз. Они шелковой волной доходят ей почти до поясницы, а длинные светлые ресницы она всегда красит синей тушью, отчего напоминает ему снегурочку. Но на вкус эта девчонка, словно лимон – здесь даже сахар не перекроет такую кислоту. Уж он-то Влад знает, поэтому и старается держать ее от себя на расстоянии, но изворотливая мерзавка, каждый раз сама охотно лезет к нему. Так и сегодня мог взять с собой своего друга, только тот где-то потерялся и трубку не берет. И надо же было встретить по дороге Кристину, пришлось подвезти. Им было по пути. Кто бы сомневался.

– Приехали, – хрипло бросил Влад своей спутнице и заглушил мотор.

Вот только та вовсе не спешила вылезать из автомобиля. Кристина ловила все моменты наедине с ним, и сейчас ее рука смело легла на колено Владу, а второй она примкнула к его груди и потянулась за поцелуем.

Проблема у парня появилась еще в девятом классе, когда

на выпускном Влад зачем-то подарил ей танец, а после девушка была согласна и на все остальное. С тех пор в ее голове прочно засела одна установка: Влад – ее парень. Как раковая опухоль, которую никакими пинцетами не извлечь оттуда.

Прижимается губами к его губам, но он не спешит ей отвечать. А когда через лобовое замечает несколько знакомых фигур и вовсе отталкивает девушку в сторону.

– Это че такое? – возмущается Мельник.

Девушка хмурится и тоже переводит взгляд на окно. Там, где за стеклом важной походкой по ступенькам поднимаются трое – двое парней спортивного телосложения и одна рыжая выскочка.

– У них теперь и девчонка общая? – возмущается Влад.

По салону разносится громкий смех Кристины.

– Это наша новенькая. В школу ходи почаще. Столько всего пропустил...

Влад больше не мог отсиживаться в тачке. В этой новенькой он сразу же узнал ту рыжую белку с КПП. Сначала она ему испортила колесо, собрав целый консилиум проблем, а потом прытко ускакала со своим грозным папашей. Это он из-за нее не смог выйти на следующую гонку. Из-за нее теперь вдвойне должен отработать перед Тимуркой. Пора немного подпалить дерзкой девчонке ее пушистый хвостик. Только для начала надо было избавиться от другого хвоста, обладательница которого явно не собиралась оставлять пар-

ня в покое. Пока тот стоял в центре зала, озираясь по сторонам, Кристина кошкой терлась вокруг него.

– А кого мы ищем? – крикнула девушка ему в самое ухо, но парень проигнорировал ее вопрос.

– Крис, побудь здесь! Принесу нам выпить, – припечатал он ее к месту, а сам пошел на поиски рыжей белки.

Всюду потные тела, виляния, дерганья, но он любил это место. «Берлога» была единственным заведением в их маленьком городке, куда пускали бесплатно. Конечно, если тебе есть хотя бы шестнадцать. Здесь всегда можно услышать любимые рок-композиции вперемежку с клубной музыкой. И даже если появлялся большой наплыв толпы, то мест хватало всем: два этажа – два танцпола, по четвергам включали караоке, по пятницам в меру культурная шоу-программа. Но самым излюбленным у Мельника местечком в клубе была барная стойка и друган бармен по имени Вася. Вещал он не хуже телевизионного ящика, все новостные сводки только через него. К нему-то Влад и направился, но не за коктейлями, которых ждала от него Крис, а за ответом на один назойливый вопрос, что уже вот несколько минут вертелся в его голове.

– Здорова, Вась! – широкая спина импульсивно двигалась. Бармен умело что-то там смешивал и перемешивал, на стойку приземлились две стопки с непонятной консистенцией ядовитых расцветок.

– О, Мельник! Привет, – Вася облокотился, чуть вперед

наклонившись и они поздоровались, крепко пожав друг другу руки.

– Ты че, подсел на че?

Вася хмурится, подозрения Влада ему совсем не нравятся.

– Ага! Поработай с мое, третья ночь подряд... хотя... кому я говорю.

– Два Лонг-Айленда,

К бару подошла утонченная блондинка. После зажигательного танца в самом центре зала у девушки пересохло в горле, а тут и парень симпатичный подвернулся. Вася вмиг соорудил пару коктейлей и поставил их перед девушкой, но, прежде чем обхватить губами трубочку один стакан она придвинула Владу, не забывая при этом хлопнуть своими длинными и пышными ресницами. Только на парня такой спектакль не произвел должного впечатления. Влад лихо развернувшись к девушке лицом потянулся и прошептал на ухо ей что-то такое, что заставило ее щеки вспыхнуть тысячами искр возмущения. Она даже своей хрупкой ладошкой замахнулась для удара, но он крепко сжал ее запястье. Наверняка после проявятся следы его раздражения.

Незнакомка исчезла из поля зрения стремительно. Такой быстрый переход можно наблюдать разве что в природе, когда глубокие сумерки сменяет темная ночь.

– Че, ты ржешь?!

Вася смеялся, покачивая своим гладко выбритым черепом, а вместе с ним пружинила и татуировка в виде малень-

кой ящерицы с правой стороны над ухом.

– Да-а, дружище! И че они все в тебе только находят? Ты же агрессируешь от каждой девчонки.

Не от каждой. На самом деле одной удалось подстегнуть его интерес. Рыжая белка сунула нос, куда ей точно лезть не следовало. Появилась внезапно и замаячила точно мишень на трассе перед автогонщиком. Влад не привык уступать, не привык искать компромисс. Он всегда руководствуется одним правилом: вижу цель – не вижу препятствий. А заискиваться перед кем-либо это точно не про него. Но девчонка, словно фейерверк, вспыхнувший из ниоткуда. Стала для него не просто препятствием, а очередной проблемой.

– Слышь, Вася? Ты, случайно, Плата не видел? Он сегодня с братом пришел и...

– Видел, минут десять назад мимо проходили. Вроде бы наверх ушли, – хмурится, собираясь сказать что-то еще, но снова поступают заказы один за другим, и пока Вася, ловко орудуя приборами, берется за работу, Влад тем временем неспешно покидает стойку бара, отправляясь на поиски своего друга.

Он поднимается по винтовой лестнице пару раз, столкнувшись со старыми знакомыми, которых неоднократно обходил на гонках. Крепкие рукопожатия и никакой вражды. Парни зарекаются, что еще отыграются, а Мельник, усмехнувшись, проходит дальше мимо свободных столиков в середину зала, что забита людьми, но, пробежавшись внима-

тельным взглядом по головам, он так нигде и не находит эту рыжую мелкую белку. Только когда музыка постепенно начинает угасать, сменяя одну мелодию на другую, а толпа расступается, то там на танцполе он врезается в три знакомые фигуры.

Влад в курсе был насчет таланта тех двоих парней. Воробьята и раньше отлично зажигали на школьных дискотеках. На этой почве он подружился с Платоном. Мельник не то чтобы относился к группе людей, страдающих социофобией, просто он органически не переваривал лицемеров, или тех, кто подбирался к нему ради личной выгоды. А Плат оказался человеком широкой души и разделял с ним его интерес. Так, Влад поддерживал его увлечения уличными танцами, а тот, в свою очередь, относился с уважением к нелегальным гонкам. И когда Плату удавалось ночью тайком улизнуть из дома, то он всегда ездил вместе с Владом на гонки.

Электрическая вспышка прошла по телу Мельника. И этот удар стал роковым для обоих. Парня с непроницаемым лицом, парня с магнетизмом ворона, излучающего все потустороннее и миловидной девушкой, волосы которой цвета раскаленной вулканической массы, невероятно жгучие – невероятно огненные. Девушкой, посмевавшейся выскочить прямо на его дорогу. Столкновение глазами, а между только: громкое молчание, всплеск адреналина, трепет и знать бы еще причину такого волнения.

Она первой прерывает игру в гляделки и не узнает пар-

ня, но Владу достаточно секунды, чтобы подойти схватить девушку за руку и увести подальше от лишних глаз.

Она пыхтит и изворачивается, но он уверенно тащит ее за собой, пока не включается кто-то третий:

– Эй, Влад! Ты че творишь?! – за ними вслед бросается Антоха, но его опережает Плат, который хватает Влада за плечо и пытается остановить.

– Все нормально! Мне надо с ней поговорить, – Влад резко дергается и прибавляет шаг. Девчонка начинает царапаться и орать.

– Отпусти, дурачина!

Влад и не думал реагировать, а тут еще Тоха разгорячился крепче электрической грелки. Кулаки сжимает, ноздри раздувает.

– Отпусти ее!

На сей раз Мельник сдается, но только лишь для того, чтобы набрать разгон. Медленно разворачивается к братьям все также, крепко удерживая девчонку за руку.

– Плат, утомони своего брата! Я же сказал, мне просто надо поговорить. Верну в целости и сохранности, – последнее он цедит сквозь плотно сжатые зубы, играя острыми скулами и подключая к делу свой хищный оскал.

В глазах Платона сверкает сомнение, но он доверяет своему другу и уводит брата в сторону.

– Предатели, – пищит девушка и на удивление больше не сопротивляется.

– Ну что, Белка! Вот мы и встретились снова, – Влад находит укромное местечко, где музыка звучит гораздо тише, а шансы столкнуться с любопытными взглядами прохожих можно и вовсе свести к нулю.

Она часто дышит и врывается в стену, откидывая назад затылок, но Влад и не думал давать паузу на передышку, он уже жадно атакует свою жертву. Со стороны больше похоже на то, как птичку загнали в клетку. Только парень с первого раза не просек. Девчонка, что сейчас тут стояла перед ним, ни на секунду не собиралась пугаться и принимать ту роль, которую он ей мысленно уготовил.

– Чего тебе надо помешанный?

Ухмылка растекается по его тонким губам подобно незамерзайке проникающей в бак под капотом черной «лады». Он упирается одной ладошкой в стену рядом с ее лицом и это не остается незамеченным со стороны девушки, а второй рукой парень медленно костяшками пальцев проводит вдоль ее шеи заправляя за ухо выбившийся из хвоста рыжий локон. Она делает глубокий вдох, а затем медленный выдох. И решается на опрометчивый шаг.

– Ай! – девчонка визжит, а ее колено стискивают сильные пальцы Влада.

– Не надо мне грубить! – он перемещает руки ей на локти и держит крепко, не давая сдвинуться с места.

А ее идеальный вариант побега ударить коленкой по болевой точке парня рушится в одночасье.

– Козел! – успевает прошипеть девчонка и раззадоренный такой дерзостью Влад легонько касается ее подбородка одним указательным пальцем.

– Белка, прекрати брыкаться и послушай...

Она дергает головой и снова толкается насколько это вообще возможно в ее-то положении.

– Какая белка? Слышь, ты – полумерок! Я – Тася! Та-и-с-ия. Читай по слогам, потому что скоро ты будешь видеть меня каждую ночь в своих кошмарах.

И пускай его лицо остается все таким же непроницаемым, но в голове у Влада сейчас кружатся целые вулканические всполохи. Он впервые пасует и все, потому что перед ним девчонка. И не просто девчонка. Потому что остальные всегда вели себя совершенно иначе, а этот диковинный экземпляр его просто сбивает с толку. Был бы парень, то разговор можно было завершить кулаками. А так он теряется от того, какие у нее глаза глубокие, словно Белка непросто заглядывает к нему в душу, а тихонько там препарирует что-то уже, а еще они невероятно зеленые или ореховые. В общем, намешано что-то там и несколько раз перемешано. Ну прям, как Васины коктейли. Да и сама она сплошной эмоциональный коллапс.

– Тася, – он еле справляется со своими мыслями пытаюсь не выдать себя голосом, – ты торчишь мне пять штук. Напомнить за что?

– Что?

Девчонка на минуту столбенеет. Выпучивает глаза, как у рыбы, сброшенной на берег, но потом начинает смеяться.

Между ними проступает тягучая словно каркасная паутина, тишина и в ней нет ни благозвучности, ни умиротворения, а одни сплошные разногласия.

Он первым обрывает диалог, прошептав ей на ухо:

– Вижу, что вспомнила... Белка!

Влад делает едва заметный вдох, чтобы оставить в памяти ее незатейливый аромат. От девчонки пахнет: домом, проблемами и каким-то фруктовым гелем для душа, а может, и шампунем. Последнее он не определил еще, как и то зачем же ему это надо?

Глава 6. Неудачный день.

Тася

Это утро могло быть счастливым. Грядущий день явился бы удачным. Вся моя жизнь журчала бы спокойной, размеренной речкой и дело даже не в постоянных переездах, а в том, что я прост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.